

© 2019 С.Ю. ШЕВЧЕНКО

СМЫСЛЫ БИОСОЦИАЛЬНОСТИ: ОТ ГРУПП РИСКА К «ГЕНЕТИЧЕСКОМУ НОЦЕБО»

Шевченко Сергей Юрьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Электронная почта: simurg87@list.ru

Аннотация. В статье смыслы термина «биосоциальность» исследуются с точки зрения предлагаемых ими оптик рассмотрения социогуманитарных эффектов развития биотехнологий. Отмечается, что в философской, социологической и антропологической литературе термин «биосоциальность» первоначально использовался в фукольдианской традиции критики соотношения власти и знания. В этом контексте развертывание биосоциальности рассматривается прежде всего как возникновение дискурсивных полей, обозначающих границы новых социальных групп. В начале 2000-х годов происходит смена аспекта: исследователей биосоциальности в большей степени начинают интересовать социальные (социотехнические) практики и заданные ими онтологии. В рамках этого онтологического поворота ряд смыслов термина начинает тяготеть к Делёзианской критике современных форм биовласти, обращенных уже к отдельным составляющим человеческого тела, а не ко всему индивиду в целом.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 18–78–10132.

ФИЛО- СОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

Высказано предположение, что эта методологическая эволюция может быть связана с изменением самих форм биосоциальности в течение последних 25 лет. Приведенное в статье различие четырех форм биосоциальности предлагается воспринимать не как классификацию социальных феноменов, а как набор теоретических конструкторов, позволяющих упорядочить дискуссию о социогуманитарных эффектах развития биотехнологий. Биосоциальность-1 предполагает формирование границ социальных групп через фиксацию генетических особенностей их членов — именно в таком виде термин был впервые использован Полом Рабиноу. В рамках биосоциальности-2 группы уже не формируются благодаря биологическому знанию, но генетические различия делают их фундаментально несхожими. Биосоциальность-3 связана с односторонностью факторов наследственности и среды в контексте реализации генетических рисков и предрасположенностей. Биосоциальность-4 описана через феномен «генетического апокалипсиса» — ограничения представлений индивида о доступных ему социальных возможностях и преобразования его телесного опыта. Сложность исследования указанных форм биосоциальности может возрастать с увеличением порядкового номера. Изучение последней из приведенных форм и минимизация связанных с ней социальных рисков требует участия экспертов-гуманитариев в разработке биотехнологий и в деятельности по их применению. Наиболее актуальным видится такое участие в практиках генетического консультирования.

Ключевые слова: биосоциальность, генетика, эссенциализм, онтологический поворот, Фуко, Делёз, Рабиноу, пост-ELSI, гуманитарная экспертиза.

Ссылка для цитирования: Шевченко С.Ю. Смыслы биосоциальности: от групп риска к «генетическому апокалипсису» // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 27–41. DOI: 10.31857/S023620070007666-9

Термин «биосоциальность» употребляется в разных контекстах, а значение его подчас размывается до простого указания на фукольдланскую традицию. Возможно, это связано не только с изменением подходов к изучению социальных эффектов развития биотехнологий, но и с изменением самих этих эффектов. Не стремясь разделять эволюцию методов и исследуемых феноменов, мы рассмотрим некоторые варианты употребления термина «биосоциальность», а затем попытаемся обозначить различные формы влияния биомедицинских знаний и практик на социальную жизнь. Эти формы биосоциальности не стоит воспринимать как взаимоисключающие описания гетерогенных социальных феноменов, предложенное различие можно использовать скорее для упорядочивания дискуссий о социогуманитарных перспективах развития биотехнологий. Кроме того, разрабатываемая ниже типология может помочь четче обозначить те проблемы, которые исследования биосоциальности обычно оставляют за скобками.

Пол Рабиноу от «Генома человека» к Synberg

С.Ю. Шевченко
Смыслы
биосоциальности

Среди литераторов распространена позиция, согласно которой опубликованные книги должны иметь судьбу, отдельную от судьбы автора. Иногда это происходит с понятиями и концепциями. Если «биополитика» и «биовласть» кажутся прочно слитыми с именем своего создателя Мишеля Фуко, то «биосоциальность» часто употребляется без упоминания последователя Фуко — Пола Рабиноу, предложившего это понятие. Иногда это понятие возникает и вне фукольдианского контекста размышления о способах управления и контроле, делающих возможными или невозможными те или иные формы социальной жизни. Подчас термин употребляется явно вопреки стремлению Рабиноу противопоставить его социобиологии как построению общества на метафоре природы. В рамках развертывания биосоциальности, напротив, природа переделывается с помощью техники и в конечном итоге становится искусственной. Сегодня связь между социальным и биологическим обуславливает полученные в лаборатории «природные» объекты или данные (например, генетический код), но при этом моделями общества не становятся естественные сообщества животных, вроде улья или муравейника, как это было в Античности и Средневековье.

В этой связи интересной выглядит исследовательская траектория самого Рабиноу. Понятие биосоциальности было сформулировано в рамках гуманитарного сопровождения проекта «Геном человека» в 1990-х годах, а в середине 2000-х американский антрополог и философ уже не столько изучает, сколько непосредственно участвует в практиках синтетической биологии. Создавая гуманитарный отдел крупнейшего центра синтетической биологии (Synberg), Рабиноу сформулировал программу экспериментальной антропологии, в задачи которой входило внести «человекообразные» понятия и этические ориентиры в разработку новых биологических молекул и материалов. В попытке гуманизировать формирующуюся искусственную природу можно увидеть ответ на определенные ранее угрозы развертывания биосоциальности. При этом в 1996 году Рабиноу видел основную проблему в формировании социальных групп вокруг конкретных генетических особенностей — вариаций отдельного локуса некоторой хромосомы, характерных для членов этой группы. Остальные элементы нового типа социальности включают медицинские практики, лаборатории, нарративные традиции и «тяжелое бремя пастырей», помогающих людям с определенной генетической особенностью понять и принять их судьбу [13]. В 2012 году его внимание уже в большей степени обращено к нарративам надежды и отчаяния, окружающих новые геномные технологии [14, р. 125]. И несмотря на то что в книге 2012 года, посвященной

как конкретную, близкую, доступную для общения. Это не дерево, дающее тень, и не ощущение сердечных сокращений, — это природа вещей, обуславливающая законы их «поведения», а для политической экономики — и законы развития общества.

В понимании Фуко биополитика предполагает не только контроль над телами отдельных индивидов, она осуществляется через контроль над человеком как видом. Жиль Делёз идет еще дальше, заявляя, что в конце XX века биополитика изменилась, теперь она коренным образом отрицает индивида, обращаясь к отдельным его компонентам, к «дивидуальному» материалу [1]. Так возникает медицина без врачей и больных, строящаяся на манипуляциях с отдельными компонентами организма. Эта критика обществ контроля была довольно легко усвоена социальными исследователями геномной медицины, отметившими, что последняя не предоставляет информацию об уникальном и ни к чему иному несводимом индивиде, но об отдельном невидимом компоненте тела, позволяющем отнести «дивида» к той или иной биомедицинской группе риска [20].

С другой стороны, такой «дивидуальный» взгляд больше не позволяет рассуждать о культуре, как о поле пересечения и взаимодействия бестелесных нарративных потоков. Не все «дивидуальные» части видимы, но многие из них служат источником феноменального опыта — опыта боли, игры, танца, беременности и т.д. Поворот к телесной биосоциальности наиболее четко наметился в рамках постколониальных исследований. Биологическое больше не воспринимается исключительно как область знания, фиксирующая и делающая объективными общности вроде расы или гендера. В то время как ранее одной из доминирующих тем в исследовании биополитики была именно такая фиксация, происходящая ради более успешной работы машинерии биовласти с уязвимыми социальными группами, выделенными исходя из расы или гендера. Американский географ и социальный ученый Арун Салдана критикует это направление постколониальных исследований за то, что долгое время оно было обращено к расе и этничности, как к сугубо дискурсивным формациям, отказываясь видеть в них нечто большее, чем подчас опасные социальные конструкты. Но современная биотехнология высмеивает это противопоставление, представляя нам природу всегда в форме, уже преобразованной культурой (и наукой, как ее частью). При этом сама культура всегда состоит из природных компонентов [15].

Представительница постколониальных исследований Рэйчел Ли переходит от критики к непосредственно полевой антропологической работе. Она изучает способы проживания биологической «дивидуальности» потомков азиатских мигрантов в США. Биосоциальность раскрывается в ее работе через восприятие людьми самих себя как совокупности «биологических фрагмен-

С.Ю. Шевченко
Смыслы
биосоциальности

Другой эссенциализм

С.Ю. Шевченко
Смыслы
биосоциальности

Приведенные выше теоретические рассуждения не являются попыткой «бегства от социальной реальности», наоборот, они призваны продемонстрировать: возможно, изменился сам характер развертывания новых форм социальности под влиянием успехов биотехнологии. Хардт и Негри, развивавшие и критиковавшие концепцию биовласти, еще в 2000 году перестали видеть главную проблему дискриминации и угнетения в биологическом эссенциализме, усмотрев ее в эссенциализме культурном [8, р. 191].

Недавно опубликованный доклад ведущей биоэтической институции США, Хастингского центра, посвящен проблеме генетического эссенциализма. В нем отсутствует обозначенная Рабиноу проблема формирования социальных объединений вокруг генетической особенности (отдельного локуса конкретного гена). Действительно, самого по себе существования пациентских организаций, объединяющих семьи больных генетическими заболеваниями, недостаточно для утверждения о формирующейся биосоциальности. Люди объединяются и для решения других, не биомедицинских, проблем, и чем реже встречается проблема, тем более скоординирована их группа.

В докладе Хастингского центра приведены результаты исследований, которые можно вслед за Хардтом и Негри назвать культурным эссенциализмом — представлением о ригидности этнических и иных культурных общностей, исключающим их взаимопроникновение. Только этот эссенциализм оказывается подкреплен биологическим. Например, люди склонны считать группы, объединенные по признаку этнической принадлежности или сексуальной ориентации, более генетически однородными, чем остальную популяцию. Полученная людьми информация о том, что разделение человечества на расы обусловлено генетически, а не фенотипически, усиливает их предубежденность в отношении представителей иных рас [9, р. 21–22].

Изменился сам тип эссенциализма, а с ним и форма биосоциальности, — новые социальные общности не создаются на основании знания о генетических рисках. Но если какой-то феномен признается обусловленным генетически, ему приписывается неизбежность, он считается скрытым от любых воздействий источником медицинских проблем. Заболевания, чье возникновение связывается с генетическими факторами риска, считаются более серьезными и трудно излечимыми. Зачастую «генетическое» означает «фатальное», а поэтому любые попытки его преодоления излишни. Так, в рамках поведенческого эксперимента, люди, которым было заявлено, что все они являются носителями «гена ожирения», были склонны съесть больше калорийных печенек на дегустации, проходившей после генетической консуль-

и сфера его действия [18]. Это недавнее определение биосоциальности мы предложим отнести к отдельной ее форме, биосоциальности-3.

Довольно трудно разглядеть в общественной жизни проблемы, которые были связаны с этой формой биосоциальности, но при этом не были бы включены в классическую биоэтическую тематику автономии и справедливости. В отличие от двух описанных выше форм, ее схватывание требует большей ориентации на практике (в том числе клинические), чем собственно на массивы генетического знания. Еще более трудноуловимой для социального исследования является вариант развертывания биосоциальности, в рамках которого представления человека о границах собственных способностей и возможностей оказывается генетически детерминировано. Назовем ее биосоциальностью-4. Во многом она сходна со вторым видом биосоциальности, в рамках которого новый биологический эссенциализм определяет общественные феномены. Только в данном случае это определение зачастую происходит не в рамках публичного дискурса и даже не в рамках коммуникации, а в контексте приписывания самому себе определенных границ доступного. Сонаправленность биологического и социального — как в биосоциальности-3 — может сыграть роль в стабилизации таких представлений, только дело будет вестись не о рисках или актуальных заболеваниях, а о молчаливом отказе от определенного рода возможностей или о преобразовании телесного опыта в рамках их реализации. Смысл биосоциальности-4 лучше всего может быть очерчен определяемым ниже термином генетического ноцебо.

Этот вариант воздействия генетических данных на социальную жизнь человека может значительно перевешивать собственно эффекты его генетических особенностей. Так, определенные варианты гена *CREB1* считаются надежными предикторами переносимости физических нагрузок. В некоторых биотехнологических компаниях исследования этих генетических вариантов используют для предсказания будущих спортивных успехов индивида. Однако эффект «генетического плацебо» на переносимость физических нагрузок оказался значительно сильнее.

Ученые из Стэнфордского университета исследовали варианты гена *CREB1* у более чем ста испытуемых. Но эти результаты были скрыты от участников эксперимента, которым сообщили случайные результаты. Испытания на беговой дорожке показали, что те, кто считал себя обладателем «благоприятного» варианта, дышат гораздо глубже и эффективнее, чем считавшие себя носителями «плохого» варианта. Затем результаты участников были сопоставлены, исходя из реальных данных генетического теста. Различия между группами оказались значительно ниже, чем в первом эксперименте [19].

С.Ю. Шевченко
Смыслы
биосоциальности

Пост-ELSI перспектива исследований биосоциальности

С.Ю. Шевченко
Смыслы
биосоциальности

Биосоциальность-4 является наиболее трудноуловимой: пытаясь выявить ее, мы вынуждены исследовать не структуру общества, не немедленную реакцию на распространение знания, а отсутствующие социальные практики. В то же время эта форма биосоциальности кажется наиболее фундаментальной — сразу по двум причинам. Во-первых, представления о благой жизни могут быть выражены через доступные человеку возможности. Именно в таком направлении развивает аристотелевские представления о благополучии современный философ Марта Нуссбаум, разрабатывающая подход к определению человеческого потенциала, исходя из доступных возможностей (*sarability approach*) [12]. Здоровье человека является необходимым компонентом всех остальных групп возможностей [17]. Значит, через биомедицинские практики может конфигурироваться вся совокупность социальных возможностей человека. Во-вторых, бегун, знающий о «плохом» варианте гена *CREB1*, может иметь специфический телесный опыт бега. Ожидание одышки само приближает одышку и присутствует в поле его ощущений. То есть биосоциальность-4 разворачивается и в поле возможностей человека, и в поле его феноменального опыта. В своем разворачивании она отталкивается от знаний и представлений человека о собственном геноме, но точкой ее зарождения служат локальные практики генетического консультирования и проведения генетических тестов. В этой связи становится понятнее смена формата деятельности, предпринятая Рабиноу. От исследования роли генетических знаний в формировании социальных групп он переходит к непосредственному участию в разработке биотехнологий.

Однако ни анализ отношений знания и власти (генетических данных как инструмента контроля), ни исследование локальных практик не способны сами по себе установить ни ограничения сферы возможностей человека, ни изменение его телесного (и в целом, феноменального) опыта. Такое изучение невозможно без непосредственного участия в практиках разработки и применения инструментов биотехнологии. Пожалуй, только в рамках такого участия социальный ученый способен собрать нарративы об отказе от определенного рода возможностей или об особенностях феноменального опыта. Такие нарративы зачастую возникают лишь случайно — сложно придумать простую группу вопросов, ответ на которые выявит молчаливый отказ от реализации конкретных возможностей.

Такой формат «непосредственного» гуманитарного участия в технологическом развитии получил название пост-ELSI подхода. Обретшая институционализацию в 1990-х годах экспертная де-

10. *Hollands G.J., French D.P., Griffin S.J. et al.* The impact of communicating genetic risks of disease on risk-reducing health behaviour: systematic review with meta-analysis // *British Medical Journal*. 2016. Vol. 352. P. 1–11.
11. *Lee R.C.* The Exquisite Corpse of Asian America: Biopolitics, Biosociality, and Posthuman Ecologies. N.Y.: NYU Press, 2014. 336 p.
12. *Nussbaum M.* Creating Capabilities. The Human Development Approach. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2011.
13. *Rabinow P.* Making PCR: A Story of Biotechnology. Chicago; London: University of Chicago Press, 1996.
14. *Rabinow P., Bennett G.* Designing Human Practices: An Experiment with Synthetic Biology. Chicago: University of Chicago Press, 2012. P. 125.
15. *Saldanha A.* Reontologising Race: The Machinic Geography of Phenotype // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2006. N 24 (1). P. 9–24.
16. *Sismondo S.* Ontological turns, turnoffs and roundabouts // *Social Studies of Science*. 2015. N 45 (3). P. 441–448.
17. *Tengland P.A.* Health and capabilities: a conceptual clarification // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2019. P. 1–9. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11019-019-09902-w#citeas> (дата обращения: 01.08.2019).
18. *The Palgrave Handbook of Biology and Society / Maurizio M., Cromby J., Fitzgerald D. et al.* 1st ed. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 5.
19. *Turnwald B.P., Goyer J.P., Boles D.Z. et al.* Learning one's genetic risk changes physiology independent of actual genetic risk // *Nature Human Behaviour*. 2019. N 3. P. 48–56.
20. *Williams R.W.* Politics and Self in the Age of Digital Re(pro)ducibility // *Fast Capitalism*. 2005. URL: http://www.uta.edu/huma/agger/fastcapitalism/1_1/williams.html (дата обращения: 01.08.2019).

The Meanings of Biosociality: from Risk Groups to “Genetic Nocebo”

Sergei Y. Shevchenko

PhD in Philosophy, Researcher at the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

E-mail: simurg87@list.ru

Abstract. The article investigates the meanings of a term “biosociality” in perspective of their optics offered to consider the socio-humanitarian effects of biotechnology development. In philosophical, sociological and anthropological literature, the term “biosociality” has been originally used in the Fucoldian tradition of criticizing the relationship between power and knowledge. In this framework the development of biosociality is mainly understood as the emergence of discursive fields that indicate the boundaries of new social groups. At the beginning of the 2000s, researchers of biosociality became more interested in social (sociotechnical) practices and their ontologies. Within the framework of this ontological turn, meanings of the term have begun gravitating towards the Deleuzian criticism of modern forms of biopower, addressed to the components of the human body, rather than to the whole individual.

Probably this methodological evolution may be associated with a change in the forms of socio-humanitarian effects of biotechnology over the past 25 years. We propose to perceive the distinction between four forms of

11. Lee R.C. *The Exquisite Corpse of Asian America: Biopolitics, Biosociality, and Posthuman Ecologies*. N.Y.: NYU Press, 2014. 336 p.
12. Nussbaum M. *Creating Capabilities. The Human Development Approach*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 2011.
13. Rabinow P. *Making PCR: A Story of Biotechnology*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1996.
14. Rabinow P., Bennett G. *Designing Human Practices: An Experiment with Synthetic Biology*. Chicago: University of Chicago Press, 2012. P. 125.
15. Saldanha A. Reontologising Race: The Machinic Geography of Phenotype. *Environment and Planning D: Society and Space*. 2006. N 24 (1). P. 9–24.
16. Sismondo S. Ontological turns, turnoffs and roundabouts. *Social Studies of Science*. 2015. Vol. 45. N 3. P. 441–448.
17. Tengland P.A. Health and capabilities: a conceptual clarification. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2019. P. 1–9. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11019-019-09902-w#citeas> (date of access: 01.08.2019).
18. *The Palgrave Handbook of Biology and Society* / Maurizio M., Cromby J., Fitzgerald D. et al. 1st ed. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 5.
19. Turnwald B.P., Goyer J.P., Boles D.Z. et al. Learning one's genetic risk changes physiology independent of actual genetic risk. *Nature Human Behaviour*. 2019. N 3. P. 48–56.
20. Williams R.W. Politics and Self in the Age of Digital Re(pro) Ducibility. *Fast Capitalism*. 2005. URL: http://www.uta.edu/huma/agger/fastcapitalism/1_1/williams.html (date of access: 01.08.2019).

С.Ю. Шевченко
Смыслы
биосоциальности